

Я сразу поняла, что это было по указанию матушки, поблагодарила её и поспешила в боковой зал. Там служанки поднесли мне два ларца. В одном лежали три меморандума от низкоранговых чиновников. Первый утверждал, что издревле богатство и величие Сына Неба сокрыты в глубине дворцовых покоев, дабы простой народ не видел их и не умалял императорского достоинства; ныне же государь возвёл галерею над рекой Ло, и всякий проходящий мимо может лицезреть её, зная, что это загородный дворец, возведённый для услады императора, что вредит добродетели и авторитету правителя. Второй меморандум гласил, что раз сам император начал строить дворцы на воде, знать и сановники пустятся во все тяжкие, что откроет путь мотовству и роскоши. Третий же, указывая на непрекращающиеся войны и великую засуху, призывал государя показать пример и издать указ о прекращении дворцового строительства на три года. На всех трёх документах имелись пометки чиновников Восточного дворца — я поняла, что они сначала попали в департамент к наследному принцу, он их просмотрел и лишь затем представил отцу и матушке.

В другом ларце находились два меморандума, отправленные прямо матушке, минуя наследника престола. Один был от шиюши Ди Жэньцзе, который писал, что Вэй Цзи, возводящий дворцы для отца, сделал их непомерно великолепными, что толкает Сына Неба к роскоши и излишествам, и требовал строго наказать его. Другой — от моего наставника Мяо Шэнькэ — утверждал, что великая засуха и военные бедствия суть следствие недобродетельности первого советника, и потому вину следует возложить на него.

Увидев имя столь знаменитого Ди Жэньцзе, я не могла сдерживать волнения, специально вынула его доклад и рассмотрела. Почерк был необыкновенно красив, хотя выражения и обороты не казались чем-то выдающимся. Да и дворец Шанъян, равно как и Суйюй, были уже почти достроены, так что его выступление выглядело запоздалым. Вчитавшись же, я ощутила всю хитрость этого человека. Дворец Шанъян возводился для поправки здоровья отца, остановить его строительство было невозможно. Но он, как шиюши, по долгу службы обязан был высказать увещевание. Вот он и выбрал момент, когда строительство близилось к завершению. Не отваживаясь порицать самого отца, он обрушился на Вэй Цзи, мол, тот возвёл палаты слишком пышно. Так он и исполнил свой долг, и сохранил отцу лицо. Да и другие, страшась подобных обличений, вряд ли осмелятся братья за подобные поручения, как Вэй Цзи, — это тоже служило предостережением. Что до того, кто требовал прекратить стройку на три года, — так это были пустые слова. Важнейшие дворцы уже возведены, и даже если новых строить не станут, ремонты-то ведь не отменят? А уж масштабы этих ремонтов и степень их пышности — разве не воля отца с матушкой? Сей муж либо был законченным педантом, либо старым пройдохой. Он не был цензором, увещевание не входило в его обязанности, однако же подал столь несущественный доклад — тут определённо было над чем поразмыслить.

Боясь, как бы меня не застал отец, я лишь запомнила суть этих меморандумов и поспешила назад. Матушкина ловкость настолько поразила меня, что я всю дорогу размышляла о скрытом смысле этих докладов, пыталась анализировать статус и положение их авторов. Увы, я слишком мало смыслила в государственных делах и, сколько ни ломала голову, так и не пришла ни к какому выводу. Зато, вернувшись в свои покои и увидев Вэй Хуань, я вдруг вспомнила кое-что и хлопнула в ладоши:

— А-Хуань! Вэй Цзи — твой двоюродный дед! В прошлый раз, когда наследник брал меня с собой, он тоже был там!

Вэй Хуань посмотрела на меня с полным недоумением, взяла из моих рук свёрток с императорской кистью, тщательно его осмотрела и лишь затем велела служанке убрать в ларец. Я схватила её за руку и понизила голос:

— В прошлом году отец послал наследного принца в округ Ло надзирать за строительством дворцов, потому-то наследник и общается с Вэй Цзи. Если кто-то станет обвинять дворец Шанъян, Вэй Цзи, конечно, понесёт наказание, но и наследнику достанется. Ди Жэньцзе, поспешив обличить Вэй Цзи, словно бы задевает и наследника. Но если Вэй Цзи возьмёт всю вину на себя, наследный принц останется в стороне.

Вэй Хуань криво усмехнулась:

— Эрнян опять говорит загадками. Какую ещё «вину на себя»? Ты собираешься готовить?

Я осознала, что вновь невольно ляпнула словечко из прошлой жизни, и смущённо рассмеялась:

— А-Хуань, я пить хочу. Завари мне чаю, только без соли и прочей всячины. Просто налей кипятку. Если не умеешь, я научу. Заварим по чашке и сядем у озера — мне нужно с тобой посоветоваться.

По нынешнему обычаю чаще использовали прессованный чай: его растирали в порошок и, в зависимости от числа гостей, засыпали щепотку в воду, добавляли соли и варили. Потому, внезапно возжелав заварить чай по-прежнему, я обнаружила, что в Приказе Дяньчжун хранятся лишь большие и малые коробочки с чайной пылью. Вэй Хуань не поняла моей затеи и хотела взять именно её для варки, но я остановила её и велела принести из кладовой чайный брикет. Отрезав ножом небольшой кусочек, я принялась осторожно разламывать его на листья. Вэй Хуань, никогда не выдавшая такого способа, наклонилась и с любопытством тронула листок:

— А такой чай разве можно пить?

Я, редко видя её столь заинтересованной, решила подогреть интригу и, тщательно отобрав с десяток целых листьев цзысунь, положила их в чашку.

— И сама не знаю. Давай попробуем.

Вэй Хуань хлопнула в ладоши и поднялась:

— Если Эрнян хочет испытать новый способ, можно взять чай из Лофу или Линнаня. К чему тратить цзысунь? Его всего-то десять цзиней добыли, а ты одним махом оттяпала добрых два.

Выбирая чай, я не обратила внимания, а теперь увидела, что это действительно хучжоуский «Цзысунь». Его поднесли родителям во время инспекционной поездки. Матушке пришёлся по вкусу его чистый и свежий аромат, но она, не желая обременять народ, велела лишь однажды закупить его в Хучжоу, не устанавливая постоянной повинности. Потому во дворце его было немного, и у меня имелся всего один брикет весом в десять цзиней. Я сама пила его лишь раз, и тогда Вэй Хуань тоже попробовала, найдя его превосходным. Я хотела подарить брикет ей, но она отказалась, сказав, что неприлично принимать столь ценный дар без причины. Я стрельнула глазками, намеренно отрезала ещё кусок — в сумме от брикета отвалилось граммов на триста — и выбрала из него лишь маленькую щепотку, сложив в кучку. Остальное же оставила без внимания.

Вэй Хуань глубоко вздохнула:

— И весь этот чай ты больше не хочешь?

Я рассмеялась:

— Мне нужны только целые листочки, а эти рассыпались — не люблю я такое. Если хочешь, забирай себе, а не то выброшу.

Она слегка укоризненно взглянула на меня, собрала рассыпавшиеся листья цзысунь и с серьёзным видом произнесла:

— В таком случае, благодарю госпожу за подарок.

Увидев, что она согласилась, я тут же просияла:

— Если нравится, забирай весь брикет, он мне не нужен.

Но я перестаралась. Она вдруг поняла мой намёк, сжала губы и сказала:

— Госпоже не стоит этого делать.

Испугавшись, что она рассердится, я поспешила поправиться:

— Шучу я! Всего-то десять цзиней — как я могу с ними так легко расстаться? Спрячь их получше, завтра ещё попью.

На лице Вэй Хуань мелькнуло что-то среднее между улыбкой и досадой. Уголок её рта дёрнулся, она пристально посмотрела на меня и повторила:

— Госпоже не стоит этого делать.

Она давно не смотрела на меня так — её глаза сияли, словно могли пронзить меня насквозь. Мне стало не по себе, и я поспешно поднялась:

— Что за «не стоит-не стоит»? Ты мне загадки загадываешь? Не понимаю я!

Схватив чашку, я вышла наружу. Там уже разожгли очаг, и в котелке кипела вода из источника Цзиньша. Я отстранила служанку, готовившую чай, присела на корточки и попыталась приподнять крышку, но та была раскалённой — я лишь дотронулась и отдёрнула руку. Вэй Хуань, увидев это сзади, поспешила ко мне, чтобы осмотреть мою руку. Я же торопила её:

— Не обращай на меня внимания, посмотри, закипела ли вода.

Она бросила на меня сердитый взгляд, подула на мои пальцы и лишь затем повернулась, чтобы приподнять крышку. Я крикнула:

— Осторожно, горячо!

Она, не оборачиваясь, ответила:

— Эрнян, не волнуйся, я... Ай!

И тоже обожглась.

Я расхохоталась так, что чуть не уронила чашку, и потянулась посмотреть на её руку, но она спрятала её за спину, не позволяя мне увидеть, и обратилась к служанке, следящей за водой:

— Проверь, закипела ли?

Та, припав к котлу, доложила:

— Как раз первое кипение, можно закладывать чай.

Вэй Хуань вопросительно посмотрела на меня. Я сказала:

— Не варить. Подожди, пока закипит полностью, и зачерпни немного воды.

Я научила её дожидаться полного кипения, налить воду в чашку и дать ей остыть прямо на веранде. Усадив Вэй Хуань напротив себя на краю галереи, я с церемонным жестом произнесла:

— Вэй Сынян, отведай моего чая.

Она покосилась на меня, медленно подняла чашку, внимательно рассмотрела цвет настоя, нерешительно поднесла к губам и отхлебнула немного. Подержав во рту, промолвила:

— Слабый.

Я ответила:

— Раз ты так говоришь, значит, не понимаешь всей прелести. Вкус чая должен быть чистым и лёгким. Вечно пить этот солёный крепкий отвар — какая в том радость?

Она задумалась, отпила ещё глоток, склонила голову набок и сказала:

— Послевкусие сладкое. Время от времени можно и так.

Сделав ещё один глоток, она поставила чашку и спросила:

— О чём же Эрнян хотела посоветоваться? До озера далеко, не лучше ли прямо здесь, на галерее?

<http://bllate.org/book/16278/1466396>